

Фантакрим

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ

micro

Сергей БУЛЫГА

ЛАБИРИНТ

ББК 84Р7-4

Б 90

Булыга С. А.

Лабиринт. Фантастические сказки. — М.:

Прометей, 1990. — 32 с.

Издание подготовлено литературно-издательским агентством «Эридан».

Две фантастические сказки Сергея Булыги, помещенные в этом выпуске, адресуются как детям, так и взрослым. Юных читателей ждет путешествие в мир сказочных животных и вещей, взрослых — раздумья над двумя философскими притчами...

Б $\frac{4702010201-278}{183(2)-90}$ без объявл.

С **Издательство «Прометей» МГПИ имени В. И. Ленина, 1990.**

ЛАБИРИНТ

Одни рождаются в поле, другие в лесу, третьи в дороге, на постоянных дворах, а самые счастливые рождаются в родительских домах. Молчаливый же родился в лабиринте, и первое, что он увидел, — это очень высокие стены, уходящие к самому небу. Но серые и холодные стены не испугали его, потому что в вышине над ними Молчаливый увидел яркое синее небо. Родился — и не закричал. Смотрел на небо, жевал беззубым ртом и хмурился. Мать испугалась, шлепнула младенца раз, второй . . . Все, кто рождаются на свет, должны испуганно кричать — так надо, а этот молчал.

Он так и вырос — молча, его так и назвали — Молчаливый. Мать часто плакала, кричала:

— Скажи хоть что-нибудь!

А он молчал. Он ничего не говорил, зато очень любил слушать. Стоило лишь старикам собраться у костра и заговорить о былом, как Молчаливый, крадучись, подходил к огню, садился и слушал. Поначалу его отгоняли, говорили, что не его это ума — слушать взрослые речи, а после привыкли. Молчаливый мог слушать часами, особенно когда беседа шла о том, что же скрыто за стенами лабиринта.

Предполагали разное. Одни считали, что весь мир — лабиринт и нечего тут голову ломать. Другие уверяли, что лабиринт имеет предел, что из него можно выбраться, и тогда . . . Одни утверждали, что, выйдя из-под защиты высоких стен, человек непременно погибнет, ибо в открытых про-

странствах водятся ужасные звери. Другие, напротив, доказывали, что за пределами лабиринта вдоль еды и питья, что там светло. А им возражали — да, конечно, там светло, там все освещено солнечным светом, но солнечный свет, как известно, губителен для человека. И это великое благо, что стены лабиринта столь высоки, и солнце освещает лишь их вершины, не в силах проникнуть до самой земли. Ведь солнце — это... Но так как никто из стариков не видел солнца, то разговор на этом обычно иссякал, и начинали спорить о другом — куда идти, какие делать отметки на стенах, что брать с собою, как уберечься от дозорных враждебного племени и еще о многом и многом другом.

Однако все эти беседы велись более для приятного времяпрепровождения, нежели для практической пользы. Ведь никто всерьез не верил в то, что из лабиринта можно выбраться. Просто людям необходимо мечтать, вот старики и мечтали. Вспоминали, как тридцать восемь зим тому назад охотники поймали человека в диковинных одеждах. Человек этот не умел изъясняться на правильном языке, был сильно истощен и вскоре умер. Одежду его поделили, и племени, к которому принадлежал Молчаливый, достались его башмаки и еще какой-то плоский камешек странного вида со странными знаками. Башмаки и камешек хранились в капище; в большие праздники жрец позволял встряхнуть камешек и приложить его к уху, и тогда можно было услышать негромкое мерное тиканье. А башмаки не позволялось трогать никому. Считалось, что тот, кто их наденет, потеряет душевный покой и будет плутать по лабиринту до тех пор, пока не обессилеет и умрет.

Башмаков все боялись. Один лишь Молчаливый

иногда подкрадывался к капищу, заглядывал в щель между камнями и мечтал о том дне, когда он похитит их и выйдет из лабиринта. Но — Молчаливый это понимал — его время еще не пришло.

А пока что он ждал и мужал. Помогал матери — собирал съедобный мох, молот в ручных жерновах улиток, ловил в ручье водяных жуков и лягушек. Когда подрос, брат матери стал брать его на охоту за крысами.

Крысы в лабиринте водились большие — в три, а то и в пять локтей, считая без хвоста. Охота на них требовала силы, мужества и сноровки. Вооружившись каменными ножами, мужчины спускались в тесные норы и, освещая себе дорогу гнилушками, с трудом пробирались вперед. Крысы строили норы по образу и подобию каменного лабиринта; их жилища изобиловали разветвлениями, тупиками, ложными ходами и западнями, так что звери почти всегда появлялись внезапно — сверху, сбоку, а порой из-за спины. Они первыми бросались на человека, пуская в ход острые зубы и когти. Дрогнешь — погибнешь. Отец Молчаливого в свое время так и не вернулся с охоты. Дядя — тот был удачливей. Весь в шрамах, раздражительный и нелюдимый, он уже много лет охотился на крыс, и не было еще такого случая, чтобы он вернулся без добычи.

Ну, а добыча — это сочное мясо, это кости для мелкой домашней утвари, это хвосты для веревок, усы и уши для капища.

Крыса — кормилица, но она же и убийца. Не раз уже случалось, что в голодные годы полчища крыс выходили из нор и нападали на селения. Тогда женщины и дети укрывались в специальных нишах, выдолбленных высоко в стенах, а муж-

чины вступали в ожесточенные и кровопролитные сражения, которые порою длились неделями.

Гибли не только в сражениях, но и от эпидемий. Люди вдруг ни с того ни с сего становились вялыми, сонными, потом засыпали... и не просыпались. Крысы нападали на детей, вражеские лазутчики похищали женщин, мужчины сражались за пещеру...

Пещер было мало. Выдолбить пещеру в стене лабиринта было делом тяжелым и долгим. Часто случалось так, что работу начинал отец, а заканчивал сын, а то и внук — человеческий век в лабиринте недолог: сорок зим считалось глубокой старостью.

А Молчаливому исполнилось пятнадцать. Следующим летом он возьмет себе жену...

Но этого не будет! Он уйдет. Пусть даже он не выберется из лабиринта, зато у него будет надежда, и он умрет вместе с нею. Упадет от истощения или погибнет в крысиной норе, или его укусит ядовитый паук — все что угодно, но только не покорность судьбе. Он больше не может жить в лабиринте, он хочет увидеть солнце. Вершины стен, освещенные солнцем, так красивы — яркие, сухие, не то что внизу, где все покрыто слизью и улитками. Он увидит солнце, а потом ему все равно, пусть даже солнечный свет действительно окажется губительным, и он умрет от него. Но он умрет не здесь, не в лабиринте. Нужно только добыть башмаки, и тогда он будет спокоен: ведь тот, кто их наденет, потеряет душевный покой и будет идти по лабиринту до тех пор, пока не лишится последних сил. Быть может, сил этих хватит ровно настолько, чтоб выйти и увидеть солнце...

И с этими мыслями Молчаливый надел свою

самую крепкую куртку, взял самый острый нож, и, крадучись, направился к капищу.

Была глубокая ночь, мать и младшие братья давно уже спали, никто его не удерживал.

А в капище горел огонь. Жрец сидел у костра и грел над огнем свои узловатые старческие руки. Молчаливый, затаившись за камнем, смотрел на огонь и неслышно вздыхал. Сколько ночей он вот так же подглядывал за ним, стараясь уяснить, как же это старику удастся из черного жирного камня вызвать огонь. Никто в племени этого не умел и уметь не смел. Женщин и вовсе к костру не подпускали, а среди мужчин чести погреться у костра удаивались только охотники за крысами да лазутчики. Лазутчики — глаза и уши племени, а охотники добывают жирный камень в крысиных норах. Двое стоят с ножами наготове, а третий поспешно рубит камень.

Но от чего он загорается? Жрец говорит, что камень загорается от прикосновения его руки, но Молчаливый не верит. Он знает — что-то сокрыто в руке старика, но что?

— Эй, Молчаливый! — окликнул жрец, не поворачивая головы.

Молчаливый не шелохнулся.

— Я кому говорю! — повысил голос старик.

Молчаливый прижался к стене и не проронил ни звука.

— Садись к огню, я давно тебя дожидаюсь.

Голос жреца не предвещал ничего плохого, и Молчаливый вошел в капище, сел рядом со жрецом и, не удержавшись, тоже протянул руки к огню...

А глаза его неотрывно смотрели на башмаки, стоявшие на священном желтом камне.

— Я давно за тобой наблюдаю, — заговорил жрец, глядя на огонь. — И знаю: ты хочешь уйти. Ты ищешь выход из лабиринта и думаешь, что башмаки тебе помогут.

Молчаливый опустил голову. Он знал, что жрец умеет читать по глазам.

— Если я буду спать, ты похитишь их, — продолжал жрец, — а если же нет... то ты сначала убьешь меня, а потом заберешь башмаки и уйдешь.

Рука Молчаливого незаметно скользнула к поясу, к ножу. Жрец слабо улыбнулся и сказал:

— погоди, не спеши. Сначала выслушай меня, а сделать свое дело ты всегда успеешь... если будет на то моя воля.

Молчаливый убрал руку с пояса и приготовился слушать.

А жрец погладил негнушимися пальцами свою лысую бугристую голову и заговорил:

— Ты заблуждаешься. Мечтаешь выбраться из лабиринта и думаешь, будто это самое главное в жизни. Увы, это не так. Ты хочешь бежать, но откуда? Что есть лабиринт? Быть может, это единственное наше спасение, быть может, его стены защищают нас от неведомых чудовищных бедствий. Да, жизнь здесь скудна и безрадостна, но что такое радость? Ты думаешь, что радость — это нечто большее, нежели то, что ты имеешь. Ты хочешь быть сытым, ты не желаешь каждую ночь ждать нападения крыс, страшиться эпидемий. Вся наша жизнь — в предчувствии беды. Однако это самое предчувствие научило нас быть сильными, терпеливыми, неприхотливыми, чуткими к ближнему. Плохо ли это?

Молчаливый молчал. Жрец грустно улыбнулся и продолжал:

— А вот теперь представь, что может случиться с

человеком, когда он будет сыт и забудет о страхе. Что, если безнаказанность сделает его во много раз хуже самой бешеной крысы? Так что прежде всего хорошенько подумай, что значит лабиринт для человека, и уже только после этого решай, нужно ли тебе бежать отсюда.

Жрец замолчал, и пристально посмотрел на Молчаливого. Жрец был стар и, наверное, мудр. Старость лишает человека многого: тело становится дряблым, глаза слезятся и плохо видят, уши почти не слышат; над старыми смеются женщины, старыми даже крысы брезгают. Однако взамен всего этого старость делает человека спокойным и мудрым. Человек начинает различать то, что недоступно самому зоркому глазу, и слышать то, чего не слышит ухо. Понять, зачем воздвигнут лабиринт, возможно только в старости. Молчаливый сможет решить загадку лабиринта лишь тогда, когда руки его станут слабыми, колени устанут сгибаться и будут болезненно шелкать при каждом шаге. И даже если он тогда поймет, что лабиринт — это зло, западня, то сил бежать отсюда все равно уже не будет. Совет жреца — коварная ловушка. И если так...

— Постой! — поспешно воскликнул жрец. — Не шевелись! Сейчас я усну, сон мой удивительно крепок, я буду молчать...

И он замолчал. Покачнулся, вздохнул и упал. А Молчаливый вытер нож о колено и посмотрел на старика. Тот тихо умирал. Теперь никто не мешает забрать башмаки и уходить отсюда до тех пор, пока будут силы. Как хорошо, что башмаки лишат его покоя и заставят идти даже тогда, когда он потеряет решимость и пожелает вернуться назад. Как хорошо...

Но тут он заметил, что рука умирающего медленно разжалась . . . И на ладони сверкнул маленький блестящий осколок. Молчаливый нагнулся, взял осколок в руки, рассмотрел. А что, если... И, боясь ошибиться, он осторожно притронулся осколком к обломку жирного камня, лежавшему возле костра, — ничего. Провел сильнее — камень зашипел. Еще сильнее — камень вспыхнул.

Так вот оно что! Так вот как добывается огонь! Теперь его никто и ничто не остановит. Спрятав осколок в тайный кармашек на поясе, Молчаливый подступил к священному желтому камню и взял башмаки. Он долго стоял над ними и все не решался надеть. Что есть лабиринт? Что скрыто за его стенами? Так ли ужасна жизнь впроголодь и нестерпимые войны с крысами?

Да, ужасны. Да, нестерпимы. Молчаливый нагнулся, надел башмаки, сделал шаг, второй . . . Он не ошибся, его время пришло. Башмаки были сделаны в самую пору, они ждали его! И Молчаливый, даже не оглянувшись, решительно двинулся в путь.

Он шел всю ночь, боясь остановиться. Он ничего не видел, то и дело спотыкался, оступался, падал, проваливался в трещины, карабкался, ломая ногти, вверх и снова шел — порой наощупь, наугад. Шел медленно, а временами замирал и слушал. Он знал: покинув племя, он теперь ничей, его никто не защитит, а посему он должен от всех скрываться, никому не доверять. Он должен верить лишь в одно — лабиринт не бесконечен. Скрипел под ногами песок, шуршали осыпи, предательски шатались валуны, а он все шел и шел. Холодные шершавые стены то расступались, то сходились так, что даже тусклые звезды вверху и те исчезали из виду.

К утру он выбился из сил, нашел укромную расщелину, залез туда, надежно завалил камнями вход, лег и тут же уснул. Проснувшись ранним утром, он ждал, не шевелясь, пока стемнеет, потом бесшумно выбрался из своего убежища и двинулся дальше.

Так продолжалось долго, очень долго. Ночью он шел по лабиринту, а днем отдыхал. Он собирал улиток, пил гнилую воду, плутал в тупиках, возвращался, скользил, ударялся о камни, вставал и снова шел. Да, у него был волшебный осколок, он мог добыть огонь и осветить себе дорогу. Но что, если свет привлечет посторонних? Нет, лучше блуждать в темноте. И он шел, спотыкаясь, хватаясь за стены.

Однажды на него напали крысы. Он шел по осыпи; шуршание мелких камней под ногами клонило ко сну. Молчаливый устало зевнул и только хотел было сесть... как четыре жирные твари с разных сторон набросились на него и сбили с ног. Крысы хрипло визжали, кусались и рвали Молчаливого когтями, а он, не в силах встать на ноги, бил их ножом, катался по земле, брыкался и снова бил, резал, колол... Когда же он вскочил, две уцелевшие твари метнулись в ближайший проем, а третья, полуживая, медленно отползла в сторону, повернулась к нему и свирепо оскалилась. Молчаливый не стал ее трогать, он слишком устал, и крыса уползла.

Освежевав четвертую, убитую, крысу, Молчаливый постелил на камнях ее еще теплую шкуру, лег и тут же уснул.

Шесть дней он жил на осыпи. Шесть дней он жег костер, ел жареное мясо и ждал, когда заживут его раны. Впервые он ни от кого не прятался, он чувствовал себя уверенным и сильным, страх

покинул его. Он знал: теперь рука его не дрогнет, крысы — это не дряхлый старик. И когда затянулась последняя рана, Молчаливый поднялся и двинулся дальше. Было теплое, душное утро.

Он шел весь день, а ночью спал. Он шел еще два дня, а на рассвете третьего, проснувшись, вдруг почувствовал, что правое колено не сгибается. Рана на нем загноилась. Превозмогая боль, Молчаливый ухватился за скользкую стену, поднялся и пошел.

А в середине дня упал. Он пытался ползти, но колено так сильно болело, что глаза застилало кровавым туманом. И тогда Молчаливый впервые заплакал — беззвучно. Слезы текли по щекам, а он неистово бил кулаками по камням и молчал. Потом вдруг вскрикнул и забылся.

Очнулся Молчаливый оттого, что кто-то осторожно тронул его за плечо. Молчаливый медленно открыл глаза и осмотрелся. Должно быть, он лежал на спине в незнакомой пещере, залитой холодным серебряным светом. Ему было тепло и мягко — кто-то заботливо укутал его в толстое одеяло из крысиных шкур. Укутал, тронул за плечо и скрылся. Или спрятался. Подумав так, Молчаливый зажмурился и притворился спящим.

Вначале было тихо, но вскоре послышался приглушенный говор множества людей. Потом вдруг люди замолчали, и кто-то сказал:

— Ну вот, он очень слаб и не опасен. Я так и думал.

И вновь чья-то рука осторожно легла ему на плечо. Молчаливый тотчас же открыл глаза... И увидел склонившегося над ним благообразного старика с седой подстриженной бородкой. Старик улыбнулся ему и сказал:

— Тебе уже лучше?

Молчаливый согласно кивнул и повернул голову. Он лежал на высоком, устланном шкурами каменном ложе, которое стояло посреди пещеры, а вокруг, вдоль стен, сидели на корточках мужчины и женщины. Все они, одетые в просторные и теплые одежды, с любопытством смотрели на Молчаливого. Холодный серебристый свет ложился на их круглые, сытые лица причудливыми тенями.

Откуда свет? Вновь повернувшись, Молчаливый увидел открытый очаг, в котором лежала большая охапка светящегося мха.

Странно! В его родных местах найти даже один побег такого мха считалось за удачу. Ведь из него варили удивительный отвар, который сразу делал человека отдохнувшим и веселым.

— Откуда ты? — спросил старик.

И Молчаливый, не ответив, вновь закрыл глаза. В самом деле, откуда? Куда он пришел? Что за люди вокруг? Зачем они его спасли? Что задумали? Он слаб, он беспомощен, он весь в их власти!

Старик же, обращаясь к племени, сказал:

— Наш гость еще не в силах отвечать. Но, судя по одежде и сбитым башмакам, он шел издалека. Глаза его полны безумия; возможно, он и есть тот самый одержимый, о коем мы столько слышали. Мечта его кощунственна, он бросил вызов мирозданию. Скажите, есть ли край Вселенной?

— Нет! — дружно ответило племя.

— Что есть Вселенная?

— Вселенная есть лабиринт!

— А что есть лабиринт?

— Спасение!

И наступила тишина. Молчаливый, не выдержав, открыл глаза. Люди бесшумно вставали, так же бесшумно, как тени, покидали пещеру. Когда все

они вышли, старик вновь склонился над Молчаливым и сказал:

— Я рад, что ты пришел. Я вылечу тебя, и ты расскажешь племени о том, что видел, пережил, что думаешь, о чем страдаешь. И, я надеюсь, тебе станет легче.

Молчаливый рванулся... Однако старик легко удержал его и с улыбкой продолжил:

— Мне жаль тебя, ты над собой не властен, ты одержим безумием. Я знаю, сразу мне тебя не убедить, но все-таки послушай, что я думаю.

Старик немного помолчал, прищурился и, глядя прямо в глаза Молчаливому, стал тихо, властно говорить:

— Мир, созданный Творцом, покорится на вечных и мудрых законах. Их много, но основа мира — доброта. Доброта помогает трудиться, с ней легче переносить голод и болезни. И, главное, она дает понять, что мир, в котором мы живем, неизменим. Мы следуем закону доброты и счастливы. Тебе же кажется, что лабиринт не безграничен и за ним другая жизнь — привольная и сытая. Увы, это не так. Лабиринт не имеет конца. Ибо что есть конец? Пустота. А в пустоте жизнь невозможна.

Молчаливый хотел приподняться, но старик вновь удержал его и с улыбкой продолжал:

— Я знаю. Ты хочешь сказать, что готов уйти и в пустоту, лишь бы покинуть лабиринт. Пусть так. Но куда ты пойдешь? И откуда? Где ты сейчас находишься? Ты идешь наугад и наощупь. А что, если ты бродишь по кругу или даже с каждым шагом удаляешься от края лабиринта? Куда тебе идти, ты знаешь?

Тут старик замолчал и отвернулся.

И Молчаливый молчал. Он молчал много дней. Ему лечили ногу, его поили бодрящим отваром,

кормили сладким мясом — он молчал. Он думал над словами старика. Он понимал: все сказанное— ложь. Лжив сам старик, лживо сытое, жирное племя и лжив их серебристый холодный огонь. Огонь не грел, а только освещал; люди, приносившие ему еду, смотрели на него без всякого сочувствия, но с любопытством; старик же не лечил его, а лишь не позволял умереть. Мудрые речи его не давали опоры душе, а дурманили разум. Они заставляли Молчаливого смириться и поверить, что стены лабиринта защищают от врагов, что голод, холод и болезни убивают лишь слабых и оставляют невредимым сильное потомство, что войны с крысами сплотили племя, что...

Нет, лучше этого не слушать, это все самообман. Он верит в свою цель, он одержим, и он добьется своего. Сейчас же главное — спокойствие, пусть только заживет нога.

И болезнь понемногу ушла. Однажды он без посторонней помощи спустился с ложа и, держась за стену, прошелся по пещере. На следующий день он вышел в лабиринт и долго сидел, глядя на шершавые стены, на серое небо. Слегка кружилась голова. Люди, столпившись поодаль, о чем-то шептались. Он не слышал их слов, но знал, о чем они говорили:

— Безумец! Жадный и недобрый человек. Смотрите и страшитесь быть безумными!

Пусть так! На третий, на четвертый и на пятый день он сидел у пещеры и думал. Поодаль толпились зеваки. А на шестой, когда подул холодный ветер, он взял в руки волшебный осколок, ударил по жирному камню...

И у него в ладонях заплясал огонь! Настоящий, горячий. Огонь обжигал ему пальцы, слепил глаза и укреплял в душе уверенность.

— Не смей!

Старик поспешно выбил у него из рук горящий камень и затоптал огонь в песке.

Молчаливый вскочил, замахнулся...

Старик же, разведя руками, улыбнулся и сказал:

— Прости меня, я был не прав. Прости!

И Молчаливый растерялся. Сел. Старик сел рядом. Посмотрел на зевак и сказал:

— Уходите!

Зеваки ушли.

— Я знаю, ты пришел издалека, — сказал старик. — У вас — свои обычаи, у нас — свои. Мы мирное племя, и наши костры никому не приносят вреда, ничего не сжигают. И нам бы не хотелось, чтобы твой огонь, несущий зло, горел близ наших очагов.

Молчаливый вздохнул. А старик, улыбнувшись, сказал:

— Да, мир бесконечен. Но еще бесконечней душа человека. Безумие твое зашло так далеко, что я не в силах его вылечить. Единственно, чем я могу тебе помочь, — так это дать запас провизии и пожелать, чтоб скорей одумался и возвратился.

Молчаливый не стал дальше слушать. Он встал и пошел.

— Куда ты? — воскликнул старик, не вставая.

Пройдя немного, Молчаливый оглянулся. Племя, столпившись вокруг старика, смотрело ему вслед. Он махнул им рукой. И они замахали. Безумцы! Круто развернувшись, Молчаливый торопливо пошел прочь. На первом повороте он остановился и волшебным осколком сделал первую зарубку на стене — чтоб не возвращаться, не плутать, а идти лишь вперед.

Шуршала под ногами галька, крошились кам-

ни — а он шел все быстрее и быстрее. В нем было столько сил и нетерпения, что он мог бы идти не только днем, но и ночью. Однако ночью темно, и он может не заметить собственных зарубок и сбиться с дороги. Вот почему, как только наступали сумерки, Молчаливый останавливался на ночлег. Найдя удобное для отдыха место, он разжигал костер и жарил на огне улиток. Он не боялся, что его заметят. Он знал, что сам внушает страх. Уже не раз случалось, что при его появлении встречные поспешно уступали ему дорогу и, прячась за обломками скал, с опаской следили за ним.

Он шел так много дней. Охотился на крыс, пил грязную, тухлую воду, вновь шел. И однажды...

Он встретил Того-Кто-Построил.

Был душный и пасмурный день. Молчаливый то-ропливо спускался по узкой тропе, сжатой холодными скользкими стенами. Неловко соскочив с камня, он вытер пот со лба и глянул в сторону, за поворот.

А там, в каких-то трех шагах, лежал, свернувшись кольцами, гигантский червь. Червь был пепельно-серый, весь покрытый чешуей, между которой пробивалась жесткая бесцветная щетина. Червь медленно, мерно дышал. Чешуя шевелилась и сухо шуршала.

Да, без сомнения, это был Тот-Кто-Построил.

Старики говорили, что некогда мир был пуст и только где-то в недрах, во чреве мира, рос Тот-Кто-Построил. Мир долго ждал. Мир засыпало снегом и задувало ветром. Ничто живое не могло появиться на свет, ведь ему негде было жить. И вот тогда гигантский червь восстал из недр и разрушил пустоту. Он разрывал песок и рушил скалы, он насыпал холмы и подтачивал твердь. Он был

неудержим, и он построил лабиринт. Мир, обретя лабиринт, немедля населился жизнью. А Тот-Кто-Построил ушел на покой. Он, говорят, вновь скрылся в недрах. Однако же случается такое, что он выползает на свет, лежит и лакомится жизнью.

И вот он перед Молчаливым. Толщиной в два обхвата, длиной не менее двадцати пяти шагов. Священный Червь!

Но правда ли все это? Да, он, конечно, страшен. Всех, кого встречает, он душит в объятиях. Вот и сейчас, проснувшись, он поднял слепую, безглазую голову и ...

Молчаливый, не выдержав, выхватил нож, замахнулся и крикнул — бессмысленно, дико. Он не боялся смерти и не защищался, нет. Просто никто в этом мире, пусть даже Тот-Кто-Построил, не смеет помешать ему уйти из лабиринта. И, подскочив к Священному Червю, он ...

Не успел ударить. Червь зашипел, отпрянул и, гремя чешуей, поспешно укрывшись в ближайшей расщелине.

Вновь наступила тишина.

Отбросив нож, Молчаливый упал на колени, закрыл лицо руками и заплакал. Он ничего не чувствовал — ни радости, ни скорби, — просто плакал.

И вдруг услышал голоса. Он обернулся. На одной из скал стояли люди и, глядя на него, о чем-то спорили. Он встал и шагнул к ним. Они разбежались и скрылись.

В тот день он ничего не ел, а ночью, лежа у костра, так и не смог уснуть. Он боялся. Боялся самого себя. Он поднял руку на Священного Червя, и Тот-Кто-Построил весь мир поспешно обратился в бегство. Такого не прощают, и он, Молчаливый, конечно, будет наказан — раздавлен, растоптан.

Он должен бежать от себя. Он скроется среди людей и будет жить, как все...

Но ведь это неправда! Он не боится мести, он может идти, и башмаки еще целы. А куда и зачем он пойдет? Лабиринт беспределен. Когда он прежде слышал про Священного Червя, то принимал это за выдумку. Но Червь существует и, может быть, даже не один. Весь мир ими изъеден, весь мир — лабиринт. Так стоит ли терпеть лишения, недоедать, недосыпать?

И, затоптав костер, он торопливо пошел в темноту.

Он торопился, он устал от одиночества, ему было страшно. Еще бы — столько сил потратить на безумное стремление!

И на четвертый день он увидел пещеру. Пустую. А рядом с ней — еще одну, еще и еще. И везде было пусто. Пустые лежанки, обломки посуды и серая, холодная зола.

Переночевав в заброшенном селении, он двинулся дальше. Он долго плутал и, сбившись с дороги, кричал, искал следы, жег дымные костры — бесполезно. Порою, правда, он входил в селения — пустые. Обрывки шкур, изломанные детские игрушки, заброшенные капища... и крысы. Крысы при виде его разбегались.

Он снова шел. Он понимал — над ним висит проклятие. Но шел. Он не боялся, он знал, что придет. Ведь даже если лабиринт бесконечен, он-то не бессмертен и, значит, остановится и отдохнет. Пусть даже мертвый.

Однако случилось иначе. Войдя еще в одно селение, он миновал ряд брошенных пещер и вдруг...

Вдруг он оглянулся.

Темнело. Вокруг было тихо и пусто. Бледно-серые стены и черные пятна пещер. Осторожно сту-

пая, держа в руке нож, Молчаливый подкрался к одной из пещер, ко второй...

Темнота. Тишина. Он вошел. Где-то падали капли. Он подождал, пока глаза привыкнут к темноте...

И вдруг увидел женщину. Она сидела на ворохе крысиных шкур и пристально смотрела на него.

И только теперь Молчаливый почувствовал, как он устал. Ноги его не держали. Опираясь на стену, он сел, привалился спиной к холодному камню и тихо вздохнул. Нож выпал из расслабленной руки.

А женщина, поднявшись, подошла к нему и спросила:

— Ты кто?

Он смотрел на нее и молчал.

Красивое усталое лицо, длинные седые волосы, большие грустные глаза и теплые руки. Ее рука лежала на его плече.

— Ты кто? — опять спросила женщина.

Он улыбнулся в ответ.

Она помогла ему встать и провела в глубь пещеры. Он сел на камень возле очага и осмотрелся. Лежанка, накрытая ворохом шкур, да скудная утварь в углу — вот и все. Женщина села напротив него и опустила голову. Седые спутанные волосы скрыли лицо.

И вдруг Молчаливый почувствовал холод. Он съежился и задрожал. Где-то падали капли, шуршали мокрицы. Склонившись к очагу, он высек волшебным осколком огонь. Пламя вспыхнуло, затрепетало. Охалка сухого лишайника быстро сгорела, он подбросил еще. И еще. И еще. Обернулся...

Она смотрела на него и улыбалась. Она была красивая и добрая. Он сел с нею рядом. Обняв его горячими руками, женщина тихо сказала:

— Мне было страшно. Я думала, пришел другой ... — не выпуская его из объятий, она стала смотреть на огонь

В ее больших глазах плясали отблески костра. Глаза казались черными, бездонными, бескрайними, как лабиринт. Ее руки сжимали его, согревали. Эта женщина — словно судьба ...

И вдруг она заговорила:

— Все ушли. Все боятся его, даже Тот-Кто-Построил. Селения стоят пустые, а люди бегут. Никто не хочет повстречать его. Я тоже бы ушла, но не могу. И не боюсь. Мне все равно. Сын умер, муж убит. Пусть убегают другие. Да, он грядет, велеречивый. Слова его сладки и лживы, они дурманят разум и делают людей послушными. И он уводит за собой. Куда — никто не знает, но оттуда нет возврата. Там нет лабиринта, там мрак, пустота.

Молчаливому вновь стало холодно, он задрожал. Женщина расслабила объятия и посмотрела на него. Глаза ее бездонны, на губах едва заметная улыбка ...

— Я потеряла мужа и сына, — чуть слышно сказала она. — Ты будешь мне мужем и сыном.

Молчаливый покорно кивнул. Ее рука легла ему на грудь, легонько толкнула — и Молчаливый, зажмурившись, лег на лежанку. Она заботливо укрыла его шкурами, а сама поднялась и пошла к очагу.

Сквозь полудрему Молчаливый слышал, как женщина возилась у огня, как глухо стучали горшки и шипела, вскипая, вода и как шлепались в воду улитки. Потом вдруг стало тихо. Приоткрыв один глаз, он увидел, что женщина старательно расчесывает гребнем свои седые спутанные волосы. Заметив, что он смотрит на нее, она смущенно улыбнулась и сказала:

— Я снова хочу быть красивой. Прости.

И он остался. Он вырубил желоб для сбора воды и утеплил вход в пещеру. Сражался с крысами, охотился и мастерил силки. А когда наступила зима и выпал снег, когда на смену серым дням пришли краткие чуткие сумерки, он перестал выходить в лабиринт — запасы были сделаны большие и можно было отдыхать.

Горел очаг, и женщина сидела у огня. Сверкала острая игла, разноцветные бусинки мелко дрожали, потом замирали; на старых, потертых одеждах рождались бесконечные узоры.

Однажды женщина сказала:

— Как хорошо, что все ушли. Никто нам не мешает.

Он согласился:

— Да, никто.

И вздрогнул, испугавшись собственного голоса. Он, Молчаливый, вдруг заговорил! А женщина, смеясь, поцеловала его в губы и сказала:

— Ну вот, наконец ты мой весь, без остатка.

И с того дня он стал учиться говорить. И с каждым новым словом чувствовал, как исчезал, таял многолетний тяжкий груз, сдавивший душу. Он понял — жизнь не только лабиринт, но и свет, и тепло, и еда, и очаг, который греет для того, чтоб на щеках у женщины играл румянец и чтобы она пела песни, была счастлива, хотя ее не по годам седые волосы так и останутся седыми. Когда она спала, он часто гладил эти волосы. И как-то раз, когда она проснулась, он рассказал ей о себе. Все, без утайки. Она долго молчала, потом улыбнулась и тихо сказала:

— Жизнь коротка. И когда я умру, ты уйдешь. А пока подожди. Обещай!

И он поцеловал ее седые волосы.

Вновь наступили сумерки, вновь сверкала игла, блестели бусинки. Женщина пела. Молчаливый смотрел на нее. Шли дни, сыпал снег. В селение никто не возвращался. Глупцы, чего они боятся! Да если б из лабиринта был выход, давно бы уже кто-нибудь нашел его и вывел отсюда людей. Но лабиринт бесконечен, а жизнь коротка. И стоит ли растрчивать ее на поиски несуществующего выхода, когда есть пещера, есть теплый очаг, есть любимая женщина?! Глупо!

Зима продолжалась. Шел снег. Таких обильных снегопадов раньше не было. Каждое утро Молчаливый подолгу разгребал сугробы, освобождая вход в пещеру. Дни шли за днями, снег все валил и валил. Однажды женщина сказала:

— Страх у моих сородичей, наверное, давно уже прошел. Но даже если они захотят вернуться, им теперь придется ждать весны. Ведь по таким сугробам им в селенье не пробраться.

А Молчаливый вдруг подумал, что если бы всегда был зима, то снег давно бы уже засыпал лабиринт, и тогда можно было бы подняться на вершины стен. Он вышел из пещеры, посмотрел вверх и нахмурился — чтобы так случилось, снег должен идти еще лет десять, а то и двенадцать. Но этого, конечно, не случится. И Молчаливый вернулся в пещеру.

Запасов было много, голод им не угрожал, холод тоже. И они были счастливы.

Зима тем временем шла на исход. Снег больше не падал, задули метели. Сугробы стали плотными, покрылись твердым настом. В такие не провалишься, можно идти. Конечно же, торить тропу одному тяжело. Но если двинется целое племя, то мужчины, попеременно сменяя друг друга... Однако же никто не возвращается!

Так исподволь, сам того не желая, Молчаливый стал все чаще думать об ушедшем племени. Нет, он не ждал его обратно, просто в душе у него вновь проснулось беспокойство. Вначале глухое и необъяснимое, потом — Он понял, что его тревожит. Что, если и впрямь есть некто сладкоречивый, которому известна тайна лабиринта? Что, если он увел за собой людей и теперь они там... А что — там? Но что — не важно. А важно то, что племя до сих пор не возвращается. И получается, что тот, кто так боялся этого, ушел, а тот, кто желал, кто мечтал, тот остался.

Нет, лучше не думать! Ведь у него есть все — еда, тепло и женщина. Пустые мысли — от пустого времяпрепровождения.

И Молчаливый стал работать. Пещера показалась ему тесной, и он взялся расширить ее. Теперь он с утра до вечера колот камни, врубаясь в неприступную скалу, а к ночи в изнеможении падал на лежанку. Спал Молчаливый очень крепко и поэтому не слышал, как женщина, склонившись над ним, шептала заклинания и плакала.

Но все равно однажды утром, когда дни уже стали заметно длиннее и кое-где зазвенела капель, она увидела, что Молчаливый сидит на пороге и смазывает башмаки крысиным жиром. Мгновенно побледнев, она тихо спросила:

— Зачем тебе это?

— Весна, — ответил Молчаливый. — Скоро снова ходить на охоту, — и отвернулся, чтобы не смотреть ей в глаза.

— Да, — согласилась женщина. — Ты прав. Я, должно быть, старею.

Он встал и зашвырнул башмаки в дальний угол.

— Ты что?! — воскликнула она.

А он привлек ее к себе и стал целовать.

Вновь потянулись дни — спокойные, беспечные. Потом пришла весна, растаял снег, и побежали ручьи. Грязь была непролазная, и выйти из пещеры было невозможно. Женщина часто смеялась и пела. Она даже как-то сказала:

— Хочу, чтоб весна была вечной!

Но с каждым днем становилось теплее. А по ночам все громче выли крысы.

— Пора, — сказал однажды Молчаливый.

Он взял два ножа — короткий, для разделки туш, и длинный, для боя, — заткнул их за пояс и потянулся к башмакам...

— Оставь, — сказала женщина.

Он посмотрел на нее исподлобья.

— Оставь, — повторила она. — Когда они на месте, мне спокойнее. Прошу тебя!

И он не спорил.

В тот день он не охотился, а лазал по камням, ходил над пропастью, метал ножи, лежал, не шевелясь, в расщелинах, ловил руками ящериц, смотрел в их красные холодные глаза... и отпускал.

Вернулся он поздно. Вошел, сел, нахмурился, к огню. Обильный ужин ждал его. Бульон, запеченные в глине улитки, пучок душистых корешков и даже — где она взяла? — грибы-подснежники. Молчаливому стало тепло и уютно. Женщина весело пела, ласкалась к нему и смеялась. Он обнял ее, хотел было сказать...

Но она перебила:

— Не надо!

А ночью он проснулся. Лежал и смотрел в потолок...

И вдруг вспомнил! Он тихо поднялся с лежанки и высек огонь, осмотрелся... Потом шаг за шагом медленно обследовал пещеру...

И только в очаге, среди золы, нашел кусок об-

угленной подметки. Он оглянулся. Женщина спала, раскинув руки, улыбаясь. Молчаливый вздохнул.

А когда женщина проснулась, Молчаливого в пещере не было. И только за порогом, в грязи, были отчетливо видны следы босых ног. Следы вели за поворот.

Уйдя от женщины, он шел весь день и ночь, и следующий день, потом упал и уснул, не разведя костра. Проснувшись еще затемно, он встал и пошел. С тех пор он так и шел, пока не валился без сил. Случалось такое, что ночью он шел, днем отдыхал, а вечером вновь поднимался и шел. Он почти не ел, не разжигал костров и не искал для отдыха укромных мест. Он даже не ставил зарубок в пути. Быть может, он плутал на одном месте, а может, шел вперед. Он не встречал селений, не встречал людей. Шел, пил гнилую воду, снова шел. И вдруг...

Остановился. Перед ним лежал скелет. Молчаливый нагнулся, дотронулся. Кость, слабо хрустнув, рассыпалась. Он понял — надо испугаться... но не смог. Он попытался думать... и тоже не смог. Он двинулся дальше. Он должен идти, а дойдет или нет — не столь важно. Он будет жить, пока идет, а если остановится, задумается, будет сомневаться, — умрет.

И он шел и не думал. Скелет. Еще один, еще. Да, он тоже умрет, но не здесь.

И он шел. Ноги, сбитые в кровь, прилипали к камням. Пить уже не хотелось, есть тоже. Скатившись вниз по осыпи, он встал, свернул за поворот...

И закричал! Зажмурился, упал и замер.

Не сразу пересилив страх, он с опаской поднял голову и осмотрелся.

Вокруг было очень светло. Яркое синее небо и... что это? Ослепительный желтый кружок. Быть может, солнце? А на земле росла трава — зеленая, густая. На всей земле, куда ни глянь, — трава. Он вытянул руку и осторожно потрогал травинку. Травинка была мягкая и теплая. И все-таки, отдернув руку, он замер и прислушался — тихо. Тогда он встал и сделал шаг, второй... Остановился. Там, в лабиринте, он был не один. Вокруг были стены, за которыми, в случае опасности, можно укрыться. Здесь тоже кое-где валялись камни, но разве за такими спрячешься? Здесь, в пустоте, человек беззащитен...

Нет, так нельзя. Он не должен бояться! И Молчаливый двинулся вперед. Он шел все быстрее и быстрее. Какая мягкая трава, какая теплая земля! А пьянящие запахи! А солнце! Как можно было жить в сыром, холодном, тесном лабиринте? Как можно было верить, что там и только там их счастье? Глупости! Он рассмеялся, обернулся...

И похолодел. Вокруг была трава. Трава, трава, трава, трава до горизонта. А в синем небе — солнце. Больше ничего. Он закричал и бросился назад. Он падал, поднимался и бежал, вновь падал и бежал, кричал и падал. Когда же он увидел стены лабиринта, силы окончательно покинули его, и Молчаливый, упав, уже не мог подняться. Уткнувшись в землю, закрыв голову руками, он тихо застонал и потерял сознание.

Когда он открыл глаза и осмотрелся, была уже ночь. Теперь в черном небе горел ослепительный белый кружок. Земля была едва освещена, вдали темнели стены лабиринта. Стены — это спасение, это спокойствие, это уверенность. Но мир несовершенен, лабиринт конечен. Как же быть?

**С трудом подняв лежавший поблизости камень,
Молчаливый взвалил его на плечи и медленно по-
нес к лабиринту.**

СКАЗКА О МОРСКОМ БАРАШКЕ

В бескрайнем черном море живут, как всем известно, белые курчавые барашки. В отличие от своих сухопутных собратьев морские барашки не щиплют траву, не скачут по лужайке и не бебекают от счастья, а катаются себе на волнах и вздыхают. Барашков в море очень много, вздыхают они громко, вот нам и кажется, будто море волнуется, злится и хочет кого-то обидеть. Заслышав этот шум, матросы убегают с кораблей и прячутся на берегу, корабли прижимаются к скалам, и даже морские орлы боятся летать над волнами. В море становится пусто, барашкам становится скучно, они начинают вздыхать еще громче... и кажется — еще немного, и начнется ураган.

Только это не так. Просто летят над волнами барашки, спешат, и каждый надеется — вдруг он кого-нибудь встретит. Но море пустынно от края до края. Барашки, не выдержав этого, прыгают с гребня волны, разбиваются в мелкие брызги... но им тут же на смену рождаются новые братья, которые тоже спешат, устают и — увы! — разбиваются.

Но иногда бывает и такое, что кому-то из них посчастливится. Вот так однажды катался на гребне высокой волны один маленький белый барашек. Был он совсем несмышленный, а потому так высоко подпрыгивал, что мог уже не раз сорваться и разбиться. Братья пытались его удерживать, урезонить, да только куда там! Он прыгал все выше и выше, и вдруг...

Увидел рядом детскую панамку. Оранжевую, мокрую, дрожащую от страха.

— Спасите! — шептала панамка. — Спасите!

Барашек бросился на помощь, волна покатилась за ним.

— Не трогай меня! — закричала панамка. — Тону!

Но барашек не слушал ее, а подхватил на плечи и понес. Он летел выше всех своих братьев, свежий ветер взбивал ему пенную гриву, крутая волна рокотала под ним. Барашек был счастлив и горд — он теперь не один, с ним панамка! И, конечно, холодное черное море сейчас обязательно станет лазурным и теплым, а добрые волны закружат и даже слегка укачают панамку в пленительном танце, панамка обнимет барашка, барашек обнимет панамку...

Увы, все случилось иначе. Панамка испуганно вскрикнула и прошептала:

— Барашек! Мне страшно!

— Ты что? — удивился барашек. — Смотри, как красиво! Да и тебя здесь никто не обидит, кругом мои братья.

— Нет-нет, — заплакала панамка, — меня укачало, мне страшно, мне нужно на берег, я здесь утону.

Услышав такое, барашек вздохнул и едва не сорвался с волны. Он никогда не видел берега, но твердо знал — на берегу барашки разбиваются. Что делать?

А панамка тем временем тесно прижалась к нему и тихонько сказала:

— Ты меня не оставишь, я знаю. Ведь ты самый лучший на свете, — а после с надеждой вздохнула, легла поудобнее... и задремала.

Барашек сразу присмирел и постарался катиться по морю как можно спокойнее. На плече у него отдыхала панамка, он очень боялся ее разбудить, уронить, потерять. Пусть панамка немного поспит, а потом ...

Не может берег быть таким жестоким! Ведь там, на берегу, живут барашки, щиплют травку и бебекают. И если он готов покинуть море, бросить братьев, то неужели он должен погибнуть на скалах? Ему ведь ничего не нужно — лишь бы быть рядом с панамкой, которая хочет на берег. Барашек, отчаявшись, прыгнул ...

Волна накатилась на камни, лизнула горячий песок и, оставив панамку, ушла. Барашек, рассыпавшись в брызги, исчез. Стало тихо. Матросы взошли на корабль, подняли якорь, вышли в море. Был жаркий день, светило солнце, панамка лежала без чувств.

Ее потом ругали и сушили на веранде, сложили в чемодан и увезли. Она молчала. Потом она всю зиму пролежала в сухом и просторном шкафу. О море там не вспоминали, и ей лишь иногда хватало смелости поплакать — тихонько, без слов и под утро.

К весне панамка выросла и превратилась в большую красивую шляпу. Теперь она гордо гуляет по парку, и перед нею снимают фуражки, да тщетно — она лишь поводит полями и ждет, когда ее подхватит ветер. А всякий ветер, как известно, дует к морю. Конечно, барашка там нет, он разбился, но разве можно запретить надеяться на чудо?!

СОДЕРЖАНИЕ

Лабиринт.	3
Сказка о морском барашке	29

(Фантаkrim-микро. Фантастика, приключения,
детектив)

Сергей БУЛЫГА

ЛАБИРИНТ

Фантастические сказки

Составление выпусков «Фантаkrim-микро» —
М. И. Андрюшкин

Редактор выпуска И. А. Боровская

Оформление и художественное редактирование —
С. В. Баленок

Координатор выпуска Д. В. Крымов

Сдано в набор 23.10.89.
Формат 84 x 1081/64
Печать высокая.
Уч.-изд. л. 1,2

Подписано в печать 22.11.89.
АТ 10794. Бумага кн—журн.
Гарнитура литературная.
Усл. печ. л. 0,84. Заказ 3228
Тираж 50.000 экз.

Издательство «Прометей» МГПИ имени В. И. Ленина,
119048, Москва, ул. Усачева, 64.

Набрано и отпечатано в типографии Управления делами
Совета Министров БССР, 220010, Минск, ул. Совет-
ская, 11.